

Ли Шуянь долго молчала, переваривая его слова. Когда она снова заговорила, в её голосе послышались слёзы:

— Тинчжоу, не смей так думать.

Но больше она ничего не смогла из себя выдавить — старые обиды слишком глубоко пустили корни. В те годы они оба были ещё детьми, у каждого хватало домашних неурядиц, и распутать этот клубок им оказалось просто не под силу. Слишком много времени утекло. И пускай теперь они всё поняли и высказали друг другу обиды, трещина никуда не делась. Годы разлуки провели между ними черту, стерев надежду вернуть прежнюю, чистую и беззаботную дружбу.

Уехав за границу, Ли Шуянь долго не могла оправиться от этого потрясения. Психотерапевты, горсти успокоительных... Лишь когда туман немного рассеялся и ей стало легче, она узнала, какая участь постигла Цзян Тинчжоу.

Дела у семьи Ли к тому времени как раз пошли на лад. Разгневанные родители грозились стереть Цзян Тинчжоу в порошок: им казалось, что грязный оборванец обманом вскружил голову их дочери, чтобы выставить её на посмешище перед всей школой. Ситуацию спас Лу Байюй. Узнав о случившемся, он спешно прилетел в Китай, и только после вмешательства влиятельного семейства Лу скандал удалось замять.

Вернувшись, Байюй пытался докопаться до истины, но безуспешно. Камеры в актовом зале загадочным образом отключились как раз перед презентацией, а персонал за кулисами в один голос твердил, что ничего не видел. Тинчжоу указывал на своего сводного брата, Цзян Ю, но доказать его вину не мог. Была ли это проделка девиц, обожавших Цзян Ли, которые вечно травили Шуянь, или просто чья-то зависть — кто теперь разберет?

Всё закончилось тем, что Тинчжоу вынудили забрать документы. Получив эту искупительную жертву, чета Ли наконец успокоилась.

Но передышка оказалась временной. Стоило младшему дядюшке, Ли Сюю, вернуться в Юнцин, как старые дрожжи забродили вновь. Проведав, что плебей, оскорбивший его племянницу, устроился поваром в ресторан «Императорский пир», он заявился туда с явным намерением устроить показательную порку.

Едва Тинчжоу вошёл в банкетный зал, Ли Сюй без лишних слов плеснул ему в лицо крепким алкоголем. Жгучая жидкость попала в глаза, и веки потом ещё долго оставались воспалёнными и пунцовыми.

К тому моменту юноша уже научился терпению. Жизнь успела обтесать его колючий нрав; он умел сдерживать порывы и не проронил ни слова, способного раздуть ссору. Он оставался безупречно вежливым, как бы ни изощрялся в оскорблениях Ли Сюй, но при этом твёрдо стоял на своём, отказываясь признать вину в том, чего не совершал. В этом упрямстве сквозило тихое, непоколебимое достоинство.

И эта стойкость заставила Сюя призадуматься. Позже, присмотревшись к парню поближе, он понял: история с его племянницей шита белыми нитками. Спокойный, выдержанный шеф-повар никак не вязался с образом отпетого хулигана, которым его клеймила молва. Слово за слово, их общение наладилось, и со временем дядя Ли превратился в одного из самых преданных гостей Тинчжоу.

Когда в начале года разразилась битва за кресло вице-президента между Тинчжоу и его братом Ю, Ли Сюй нарочно приходил в ресторан поддержать мастера — заказывал коллекционные вина с шестизначными ценниками, а совсем недавно без лишних вопросов раскошелится на покупку той самой старинной чаши. Пути господни неисповедимы. В жизни всегда что-то теряешь, а что-то находишь. И теперь, оглядываясь назад, Тинчжоу мог лишь с улыбкой вздохнуть: всё это дела давно минувших дней.

Они почти подошли к восточным воротам завода. Услышав тихий всхлип спутницы, Тинчжоу решил переменить тему, чтобы не бередить её раны:

— Сама-то как? — мягко спросил он. — Цзян Ли хорошо к тебе относится?

При упоминании имени жениха лицо Ли Шуянь потеплело. Смахнув слезинку, она смущённо улыбнулась:

— Цзян Ли... Он ведь тогда тоже уехал учиться за границу. В школе он казался мне невыносимым гордецом, но в чужой стране мы сблизились. Он оказался очень надёжным человеком, во многом мне помог.

Когда-то в старших классах она во весь голос заявляла, что ни за что не выйдет за него, клеймя помолвку пережитком феодализма. Они и двух слов не могли связать без спора. Однако за прошедшие годы её семья сумела вернуть былое величие, а совместная учёба за рубежом сплотила молодых людей. В итоге расчёт превратился в союз равных, благословлённый взаимной симпатией — редкая и счастливая судьба.

Да и вчера было заметно, как сильно юноша дорожит своей невестой. Когда завязалась потасовка между Тинчжоу и Сюй Фэном, Цзян Ли первым делом загородил Шуянь собой, боясь, что её заденет в драке.

В прошлой жизни судьба не устроила им такой случайной встречи. Они пересекались лишь мельком на светских раутах. Шуянь тогда успела лишь торопливо шепнуть ему: «Всё в прошлом, Тинчжоу, надеюсь, у тебя всё хорошо», — прежде чем её увели. Сразу после возвращения на родину она с головой ушла в предсвадебные хлопоты. Все последующие годы их общение ограничивалось дежурными кивками при случайных встречах, а общие знакомые в один голос твердили, что её брак безупречен.

Окончив престижный зарубежный вуз, умная, утончённая девушка из богатой семьи родила детей и посвятила себя дому. И пусть дела у строительной империи её мужа со временем пошли на спад, они оставались баснословно богаты. В высшем обществе их чета считалась образцом для подражания.

Идиллия не казалась фальшивкой. Цзян Ли действительно оберегал свою репутацию, не марался в грязных скандалах и неизменно сдувал с жены пылинки как на публике, так и за закрытыми дверями. Тинчжоу искренне радовался, что подруга юности смогла перешагнуть через старые кошмары и обрести покой. Однако позже прозвенел первый тревожный звонок.

В последний раз в той жизни Тинчжоу довелось увидеть Шуянь на пышном приёме. Она пришла с тремя детьми — младшими были очаровательные близнецы. Время пощадило её красоту; они с мужем, отметившие десятилетие совместной жизни, приковывали к себе все взгляды. Вокруг них вился флёр абсолютного, безоблачного благополучия.

Но когда Тинчжоу уже собирался уходить, он заметил Шуянь на уединённой террасе. Она стояла неподвижно, уставившись в пустоту, а рядом о чём-то тихо шепталась её мать. В тонких пальцах женщины тлела сигарета. Прежде она терпеть не могла табачный дым, а теперь сделала короткую затяжку и безразлично наблюдала, как огонёк пульсирует в темноте, съедая бумажную гильзу.

В этом глухом углу было настолько тихо, что до Тинчжоу долетали обрывки их разговора. Мать вполголоса убеждала дочь:

— Шуянь, опомнись. Ты сто лет не работала и понятия не имеешь, как вести дела. Наш бизнес намертво переплетён с их семейным делом. К тому же у вас трое детей! Даже если ты подашь на развод, тебе всё равно придётся сталкиваться с ним на советах директоров. Так какая разница? Нельзя всю жизнь цепляться за то, что случилось давным-давно. В конце концов, он поступил так только из любви к тебе!

Помолчав, Шуянь тихо, словно саму себя, спросила:

— Раз он меня любит... значит, прошлое нужно просто зачеркнуть? И права на развод у меня тоже нет?

Тогда Тинчжоу не понял истинного смысла её слов. Со стороны их брак казался безупречным, но чужая семья — всегда потёмки, и какая драма разыгрывалась за этим фасадом, знала лишь она сама.

К сожалению, к тому моменту они не общались целую вечность. Их треснувшая некогда дружба увяла настолько, что они едва здоровались при встрече. Тинчжоу заколебался, сочтя, что не имеет права лезть в чужую душу с расспросами.

Слухов о разводе так и не появилось. Тинчжоу всё собирался как-нибудь окольными путями разузнать, что стряслось, но не успел. Незадолго до своей гибели он внезапно получил от неё короткое сообщение: «Прости». А вскоре его самого насмерть сбила машина.

И теперь, в этой новой жизни, он решительно не знал, стоит ли вмешиваться. У молодых людей сейчас был самый разгар романа, и любые намёки со стороны выглядели бы как нелепая попытка оговорить соперника.

Тем временем они вышли к восточным воротам завода. В отличие от парадного входа со стороны парка, здешняя территория была закрыта для посторонних — в уцелевших цехах всё ещё теплилось производство. Пожилой охранник, проверив документы Шуянь, вежливо попросил её подождать, пообещав вызвать управляющего для личного сопровождения.

Тинчжоу сообразил, что у девушки здесь запланировано важное дело. Памятуя о том, как вчера вся их компания внезапно объявилась на Улице Утреннего рынка, и вспомнив слова Ли Сюя об инвестициях в реконструкцию Старого района, он озвучил свою догадку:

— Присматриваешься к проекту реконструкции Старого сахарного завода?

Шуянь не стала отнекиваться:

— Да. Окончательного решения ещё нет, но мы всерьёз рассматриваем этот вариант.

Тинчжоу повернулся к проходной и окинул взглядом внутренний двор. Надпись «Государственный сахарный завод Юнцина» на кованых воротах давно потускнела и облупилась. Масштабы предприятия поражали: огромная территория площадью в несколько гектаров раскинулась так широко, что пешая прогулка от главного входа со стороны Улицы Утреннего рынка до этих боковых ворот занимала добрых полчаса.

Построенный в семидесятых годах прошлого века, гигант когда-то обеспечивал сахаром половину страны. Это был не просто промышленный объект, а настоящий автономный городок со своими тенистыми аллеями, общежитиями, школой, магазинами и даже больницей. Жилые кварталы у Улицы Утреннего рынка возводились как ведомственные дома для рабочих, да и среди обитателей района Горы Гуаньинь, где ютился Ань Сяопин, половина семей когда-то трудилась у этих плавильных печей.

В былые времена эшелоны с сахарным тростником нескончаемым потоком шли в Юнцин, чтобы превратиться в белоснежную пудру, хрустящее печенье и карамель, разлетавшиеся по всей провинции Дунцзян и далеко за её пределы. Но с приходом рыночной экономики былое величие померкло. Серия приватизаций и слияний привела к тому, что производство почти полностью свернули. Пустующие цеха превратились в памятник ушедшей эпохе, и теперь городская администрация выставила этот проблемный кусок на открытый тендер по ревитализации Старого района.

Архитектурный облик завода заслуживал особого внимания. Проектированием занимались советские специалисты, поэтому строгие контуры из красного кирпича не походили на безликие коробки обычных фабрик. Пышные кроны высаженных вдоль дорожек делониксов некогда обрамляли этот триумф монументального зодчества. Сегодня облупившиеся фасады и заросшие тропы кричали об упадке, но для каждого старожила Юнцина эти стены оставались частью личной истории.

По сути, весь некогда знаменитый пищевой кластер Старого района вырос вокруг этого колосса, а теперь угасал вместе с ним.

— Муниципалитет хочет превратить этот участок в масштабный культурно-исторический парк с коммерческой зоной, — вздохнула Шуянь. — Но Цзян Ли, осмотрев площадку, остался недоволен. Сносить исторические корпуса запрещено, требования к реставрации драконовские — нужно воссоздать всё точь-в-точь как было. К тому же район сонный, проходимость низкая, покупательская способность у местных скромная. С точки зрения бизнеса инвестиции будут окупаться вечно.

Любой прагматичный девелопер понимал это с первого взгляда. Проект отдавал чистой благотворительностью. В плане реконструкции Старого района хватало куда более прибыльных лотов, и старый завод в этом списке плёлся в самом хвосте.

Семья Ли обратила на него внимание исключительно из-за красивого подтекста. Кондитерское прошлое ассоциировалось со сладкой совместной жизнью — идеальный свадебный подарок от родителей, на котором молодой наследник мог бы потренироваться в управлении крупными активами.

Однако Цзян Ли романтиком не был. Как прожжённый прагматик, он нацелился на пустырь неподалёку от Второй средней школы Юнцина. Там можно было возвести элитный жилой квартал. Престижный школьный округ гарантировал бешеный спрос на недвижимость — золотая жила по сравнению с депрессивной промышленной окраиной.

Накануне они приезжали ради ознакомления, прихватив за компанию угрюмого Лу Цзяхэ и изнывающего от скуки Сюй Фэна. Даже внезапная стычка на рынке не поколебала уверенности Цзян Ли: завод мёртв и вкладывать в него деньги — безумие.

Разумом Шуянь понимала его правоту, но сердце противилось сухому расчёту. Поэтому на рассвете она втайне от всех приехала сюда снова. Ей отчаянно хотелось зацепиться хоть за какую-то деталь, чтобы спасти это место.

— Душа лежит именно к заводу? — негромко спросил Тинчжоу. — Это ведь куда интереснее, чем строить очередные безликие многоэтажки.

Девушка грустно кивнула:

— Да. Ещё вчера я почувствовала, какое здесь удивительное пространство. Я выросла в Юнцине, этот завод для меня родной. Будет ужасно, если его просто сровняют с землёй или оставят гнить.

Будь его воля, он бы настоятельно посоветовал ей стоять на своём. Более того, Тинчжоу знал наверняка: даже с финансовой точки зрения этот проект окажется золотым дном.

Поддержка властей гарантировала субсидии, а готовые исторические корпуса идеально подходили под формат арт-кластера. Скоро страну захлестнёт волна ностальгического ретро-шика, и заброшенные цеха, превращённые в креативный хаб, наводнят толпы блогеров и туристов. Пусть проект не принесёт мгновенной сверхприбыли, он гарантировал стабильный,

долгосрочный доход — редчайшая жемчужина во всей программе реновации.

Земля у школы, за которую сейчас отчаянно грызлись застройщики, стоила непомерно дорого. К моменту сдачи первых домов строительный пузырь в стране начнёт сдуваться. Вдобавок Вторая средняя школа Юнцина внезапно объявит о переносе кампуса: средние классы уедут на окраину, а старшую школу переведут на систему полного пансиона. Вся концепция «элитного жилья у школы» лопнет как мыльный пузырь, оставив инвесторов у разбитого корыта.

Но из уст безработного повара подобные экономические прогнозы прозвучали бы дико. И всё же Тинчжоу не удержался:

— Выбирай завод, — твёрдо произнёс он. — Верь своей интуиции.

Шуянь удивлённо вскинула глаза — она не ожидала от него столь горячей поддержки. Немного подумав, она вздохнула, возвращаясь к реальности:

— Будь это проект поскромнее, миллионов на тридцать-сорок, Цзян Ли бы уступил мне без лишних разговоров. Но здесь замешаны слишком крупные активы, совет директоров не позволит принимать решения на эмоциях. — Однако тёплые слова друга явно придали ей сил, и она улыбнулась: — Но я всё равно попробую настоять на своём.

К воротам трусцой подбежал запыхавшийся мужчина в строгом костюме — обещанный управляющий. У Тинчжоу не было пропуска, так что пришла пора прощаться.

— Будем на связи, — Шуянь помахала ему рукой. — Тинчжоу... Всё плохое действительно позади. Я тоже вела себя глупо, но... я правда хочу, чтобы мы снова стали друзьями.

— Договорились, — улыбнулся он.

Они обменялись номерами в мессенджере. Тинчжоу прекрасно понимал: их миры разошлись слишком далеко. Разные заботы, разные социальные круги — общих тем у них почти не осталось. Как ни крути, школьные годы не вернуть, а сам он теперь — самый обыкновенный, ничем не примечательный человек.

Он постоял у ворот ещё немного. Оставшаяся половина слоёной лепёшки совсем остыла, но Тинчжоу не привык выбрасывать еду — решив подогреть её дома к вечернему чаю, он завернул остаток в салфетку.

Купив на рынке свежих овощей к обеду, он неторопливо возвращался домой, когда тишину переулка нарушил резкий звонок мобильного. Звонил Ань Сяопин.

Стоило нажать кнопку ответа, как из динамика лавиной хлынула восторженная, сбивчивая речь:

— Гэгэ! А-а-а, ты не представляешь! Быстрее заходи в сеть, наше видео взлетело в тренды!

— Ну то самое, где ты в кадре! Я случайно залил черновик без монтажа, клянусь, это вышло по ошибке! Я даже цветокоррекцию сделать не успел, там остался весь тот позор, где я жру как не в себя...

— Но боже, сколько просмотров! Гэгэ, я же говорил, что ты нереальный красавчик! Тебя просто обожают!

<http://bllate.org/book/19956/1995114>